

Бодрин А. В. Формирование синодального режима церковного управления в контексте взаимоотношений светских и духовных властей в 1721—1725 годах (на материалах Нижегородской епархии) / А. В. Бодрин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 304—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324.

Bodrin, A. V. (2021). Formation of the Synodal Regime of Church Administration in the Context of the Relationship between Secular and Spiritual Authorities in 1721—1725 (Nizhny Novgorod Diocese). *Nauchnyi dialog*, 4: 304-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324

**Формирование
синодального
режима церковного
управления в контексте
взаимоотношений светских
и духовных властей
в 1721—1725 годах (на
материалах Нижегородской
епархии)**

Бодрин Алексей Владимирович
orcid.org/0000-0003-4443-0777
кандидат исторических наук, доцент
кафедры социальной работы,
сервиса и туризма
germes.al@yandex.ru

Арзамасский филиал, федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»
(Арзамас, Россия)

**Formation of the Synodal
Regime of Church
Administration in the Context
of the Relationship between
Secular and Spiritual
Authorities in 1721—1725
(Nizhny Novgorod Diocese)**

Alexey V. Bodrin
orcid.org/0000-0003-4443-0777
PhD in History, Associate Professor,
Department of Social Work,
Service and Tourism
germes.al@yandex.ru

Arzamas Branch, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod

(Arzamas, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу формирования синодального режима управления Русской Православной Церковью и сопутствующим проблемам во взаимоотношениях светской и духовной власти. Уделяется внимание новой политике государства в лице Синода в отношении местного епископата. На материалах нижегородского региона охарактеризованы особенности организации епархиального управления. Приводится краткая биография местного епископа Питирима, одного из приближенных Петра I. Представлены результаты анализа проблем во взаимоотношениях государства и церкви в политической сфере. Предлагается классификация данных проблем на основе различных аспектов взаимодействия светских и духовных лиц. Особое внимание уделяется вопросам, связанным со статусом Синода и его реальными возможностями представлять интересы духовенства. Показано на региональном материале, что духовенство в синодальных условиях оказалось в зависимом положении от властей как центральных, так и местных. Автор особо останавливается на фактах, описывающих произвол чиновников в отношении лиц духовного звания, вмешательство в их компетенцию по тем или иным вопросам. Доказано, что учреждение Синода и всеобщая бюрократизация в правление Петра I изменили характер церковно-государственных отношений и выступили предпосылками возникновения новых трудностей.

Ключевые слова:

Синод; Сенат; государство; церковь; епископат; епархия; проблемы; управление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the formation of the synodal regime of government of the Russian Orthodox Church and related problems in the relationship between secular and spiritual authorities. Attention is paid to the new policy of the state represented by the Synod in relation to the local episcopate. The peculiarities of the organization of the diocesan administration are characterized on the materials of the Nizhny Novgorod region. A brief biography of the local Bishop Pitirim, one of the close associates of Peter I is presented. The results of the analysis of problems in relations between the state and the church in the political sphere are given. A classification of these problems is proposed on the basis of various aspects of interaction between secular and clergy. Special attention is paid to issues related to the status of the Synod and its real possibilities to represent the interests of the clergy. It is shown on regional material that the clergy, under synodal conditions, found themselves in a dependent position on the authorities, both central and local. The author especially dwells on the facts describing the arbitrariness of officials in relation to persons of clergy, interference in their competence on certain issues. It has been proved that the establishment of the Synod and the general bureaucratization during the reign of Peter I changed the nature of church-state relations and acted as prerequisites for the emergence of new difficulties.

Key words:

Synod; Senate; the state; church; episcopate; diocese; problems; control.

УДК 94(47).05+94:322(470.341)“1721/1725”

Формирование синодального режима церковного управления в контексте взаимоотношений светских и духовных властей в 1721—1725 годах (на материалах Нижегородской епархии)

© Бодрин А. В., 2021

1. Введение

Создание Синода в 1721 году формально стало отправной точкой нового этапа во взаимоотношениях государства и церкви в Российской империи, получившего в отечественной историографии название синодального. Несмотря на то, что фактически уже с 1700 года в период так называемого местоблюстительства патриаршего престола и стал формироваться административный режим управления Русской Православной Церковью, когда царь Петр «поручал по возможности все церковные дела Сенату и вновь открываемым коллегиям» [Карташев, 1997, с. 162], официальное открытие Синода 14 февраля 1721 года означало окончательное юридическое оформление духовных преобразований предшествующих десятилетий.

Период 1721—1725 годов имеет безусловную научную ценность с точки зрения анализа того комплекса проблем во взаимоотношениях светской и духовной власти в политической плоскости, которые зародились в это время и продолжали оставаться в своих основных чертах в последующие правления преемников Петра I. Несомненно, что синодальная практика государственно-церковных отношений отразилась и на деятельности местного епископата, вынужденного функционировать в новых исторических условиях. Именно изучение регионального материала позволяет более широко, полно и объективно исследовать процесс формирования и дальнейшей эволюции государственного режима церковного управления в политическом контексте взаимоотношений светских и духовных властей.

Историография синодального периода истории Русской Православной Церкви представлена довольно большим количеством работ как церковных, так и светских ученых. Первые крупные обобщающие труды дореволюционных историков были посвящены изучению политико-юридических аспектов государственно-церковных отношений, положению и структуре Синода, его взаимоотношениям с Сенатом [Верховский, 1912; Знаменский, 2000; Рункевич, 1900]. Особо следует остановиться на фундаментальных исследованиях русских ученых, вынужденных эмигрировать из страны после Октябрьской революции 1917 года. В этих работах рас-

сма­три­ва­лись са­мые раз­ные по­ли­ти­че­ские во­про­сы цер­ков­ной ре­фор­мы Пе­тра I, а имен­но: уч­ре­жде­ние Си­но­да, его пол­но­мо­чия и де­я­тель­ность, ор­га­ни­за­ция епар­хи­аль­но­го управ­ле­ния, епис­ко­пат и его вза­и­мо­от­но­ше­ния с гра­ждан­ски­ми вла­стя­ми и т. д. [Кар­та­шев, 1997, с. 139—170; Смо­лич, 1996, с. 27—182; Таль­берг, 2008, с. 115—163].

Ре­ги­ональ­ные ас­пек­ты на­чаль­но­го эта­па скла­ды­ва­ния си­но­даль­ной си­сте­мы от­ра­же­ны в дис­сер­та­ци­он­ных ис­сле­до­ва­ни­ях, в ко­то­рых изу­ча­лись во­про­сы, свя­зан­ные со вза­и­мо­от­но­ше­ни­ями епис­ко­па­та с Си­но­дом, мест­ны­ми вла­стя­ми и дворян­ством; да­ва­лась об­щая ха­рак­те­ри­сти­ка архи­ерей­ской вла­сти и архи­ерей­ско­го до­ма (наз­на­че­ния епис­ко­пов, их ко­мпе­тен­ция, струк­ту­ра управ­ле­ния, бюд­жет и т. д.) [Ви­де­не­ева, 2001; Зак­ржев­ский, 2000; Ха­ри­на, 2012 и др.]. При этом на дан­ный мо­мент от­сут­ствуют пол­ноцен­ные ра­бо­ты, по­свя­щен­ные ана­ли­зу про­бле­ма­ти­ки цер­ков­но-го­судар­ствен­ных от­но­ше­ний 1720-х го­дов на ма­те­ри­а­лах Ни­же­го­род­ской епар­хии. До не­ко­то­рой сте­пени к ним мож­но от­не­сти тру­ды с по­дроб­ной био­гра­фией епис­ко­па Пи­ти­ри­ма, чья де­я­тель­ность на цер­ков­ном по­сту рас­сма­три­ва­ется на фоне ре­форм Пе­тра I [Ма­ка­рий (Ми­ро­лю­бов), 1857, с. 32—81; Мо­ро­хин, 2009, с. 2—100].

Ис­точ­ни­ко­вая ба­за ис­сле­до­ва­ния пред­став­ле­на ком­плек­сом опу­бли­ко­ван­ных и неопу­бли­ко­ван­ных (ар­хив­ных) до­ку­мен­тов, по­зво­ляю­щих дос­та­точно по­дроб­но рас­крыть про­цесс вы­страи­ва­ния но­во­го курса в от­но­ше­нии ре­ги­ональ­но­го ду­ховен­ства и со­пут­ству­ю­щие ему про­бле­мы. К чис­лу опу­бли­ко­ван­ных до­ку­мен­тов сле­ду­ет от­не­сти ма­те­ри­а­лы си­но­даль­но­го ар­хива [Опи­са­ние до­ку­мен­тов ..., т. 1, т. 2, т. 4, т. 5], а так­же ста­тьи, со­об­ще­ния НГУАК [Де­й­ствия НГУАК, т. 13, т. 16]; неопу­бли­ко­ван­ные до­ку­мен­ты со­сто­ят из управ­лен­че­ской до­ку­мен­та­ции си­но­даль­ной кан­це­ля­рии [Р­Г­И­А, ф. 796, оп. 1, 2, 6].

2. Ор­га­ни­за­ция управ­ле­ния епар­хией

Уч­ре­жде­ние Св. Си­но­да в 1721 го­ду и фор­ми­ро­ва­ние но­во­го ре­жи­ма цер­ков­но­го управ­ле­ния про­ис­хо­ди­ло как на цен­траль­ном, так и на ре­ги­ональ­ном уров­нях, за­тро­нув мно­гие сто­ро­ны епар­хи­аль­ной жи­зни.

Как пи­шет И. К. Смо­лич, «про­ис­хо­див­шие из­ме­не­ния ка­са­лись упоря­до­че­ния и юри­дичес­ко­го за­кре­п­ле­ния прак­ти­ки вза­и­мо­от­но­ше­ний епар­хи­аль­ных архи­ереев со Свя­тей­шим Си­но­дом, с под­чи­нен­ным ду­ховен­ством, с епар­хи­аль­ны­ми уч­ре­жде­ни­ями и с ве­ру­ю­щи­ми» [Смо­лич, 1996, с. 165], что в ус­ло­ви­ях но­во­го цер­ков­но­го ре­жи­ма озна­ча­ло зна­чи­тель­ное уси­ле­ние кон­тро­ля над ре­ги­ональ­ным епис­ко­па­том. Это­му был по­свя­щен це­лый ряд си­но­даль­ных по­ста­нов­ле­ний 1720-х го­дов, ре­гу­ли­ро­вав­ших даже уча­стие выс­ших ду­хов­ных лиц в офи­ци­аль­ных ме­ро­при­яти­ях.

Так, согласно синодальному определению от 10 марта 1725 года, членам Синода во всех публичных процессиях и церемониях перед архиереями и архимандритами должны были «иметь первенство и высшее место» [Описание документов ..., т. 5, с. 118].

Определение Синода от 23 апреля 1723 года запрещало епархиальным главам выезжать за пределы своей территории без разрешения высшей духовной инстанции. «А ежели которому архиерею» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 509, л. 180], как было сказано в определении, «какая возымеется нужда в которую епархию ехать» [Там же, д. 509, л. 180], то было необходимо заблаговременно уведомить Синод отдельным донесением.

Синодальные указы 1724 года вводили личную ответственность епархиальных властей над их подчиненными в части сбора денег с архиерейских и монастырских вотчин — «дабы ничего излишнего по своим приходам <...> никто не собирал и запрещенным взяткам отнюдь не касался» [Там же, оп. 1, д. 127, л. 32]. За подобные финансовые нарушения епископы могли быть подвергнуты взысканию, а их подчиненные — выплате штрафов.

Вводилась и юридическая обязанность церковных властей подавать в законный срок рапорты в Синод о получении указов и исполнении по ним.

Однако на практике, в т.ч. в нижегородском регионе, имело место «слабое отправление» [Описание документов ..., т. 2, ч. 1, с. 782] по указам, «недоставление даже ответствований» [Там же, с. 782] об их получении, что и привело к необходимости издания со стороны Синода нескольких указов и подтвердительных предписаний на этот счет. При этом архиереев на основании именного указа от 27 января 1721 года «за неответствование и нерепортование» [Там же, с. 783] следовало штрафовать.

Уже в начале синодального периода «в связи с бюрократизацией государственного аппарата все более сложным становилось и делопроизводство епархиальных управлений» [Смолич, 1996, с. 165], что затрудняло выполнение епископом своих духовных функций, в результате чего он «оказывался по большей части прикован к своему письменному столу» [Там же, с. 166]. Так, в 1725 году от архиереев, прибывших в С.-Петербург на похороны Петра I, во время встречи с обер-прокурором Синода И. В. Болтиным, поступила коллективная просьба рассмотреть возможность не подписывать им донесения о епархиальных делах и рапорты о получении указов, а уполномочить на это приказных управляющих архиерейского дома.

Рассмотрев данное предложение, Синод 12 марта того же года в своем определении лишь частично удовлетворил просьбу архиереев и разрешил не подписывать только рапорты о получении указов, «остальные же доношения подписывать собственноручно по прежнему» [Описание документов ..., т. 5, с. 121].

Как отмечает А. Е. Виденеева, «с утверждением абсолютизма, пришедшего на смену сословно-представительной монархии, была связана глубокая реорганизация всех институтов Русского государства в XVIII в.» [Виденеева, 2001, с. 183]. Серьезные перемены произошли и в Русской православной церкви. В значительной мере они затронули епархиальные кафедры [Там же]. Административным центром епархии был архиерейский дом, располагавшийся в Нижегородском кремле. Преимущественная роль в епархиальном управлении отводилась представителям духовенства, однако для канцелярского делопроизводства — оформления и хранения епархиальной документации — архиерейский дом содержал солидный штат светских служителей [Там же].

Обширный функционал, который был возложен на местный епископат, не позволял архиерею самостоятельно отвечать за все вопросы, связанные с управлением епархией.

Уже в 1722 году в Синод от нижегородского епископа поступила просьба о назначении ему помощника — особого управляющего в части администрирования всеми епархиальными сборами (денежными, хлебными, рекрутскими), что было связано с большим количеством раскольников, «ко исследованию и обращению которых» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 120, л. 50], как писал в своем донесении Питирим, «тщатися надлежит со всегдашним трудом не отложно» [Там же, д. 120, л. 50]. По словам Питирима, борьба с расколом является его «нужнейшим пастырским делом» [Там же, д. 120, л. 50]. Второй причиной был немногочисленный состав служащих архиерейского дома, не позволявший отнести в сферу их ответственности осуществление епархиальных сборов. Хотя Синод и назначил Питириму управляющего, но с той оговоркой, что заведывание этими делами должно проходить «с ведома его, епископа» [Там же, д. 120, л. 50]. «За умножением раскольнических дел» [Там же, д. 120, л. 50] в соответствии с решением Синода от 12 февраля 1722 года для отправления «денежных и хлебных и рекрутных нарядов и прочих» [Там же, д. 120, л. 50] определялся специальный помощник из Монастырского приказа, который объективно без какого-либо производства по отношению к вотчинным крестьянам безостановочно и в указанные сроки реализовывал бы поставленную задачу по епархиальным сборам и рекрутским наборам.

В том же синодальном определении от 12 февраля 1722 года содержалось требование к Монастырскому приказу, чтобы он отправил донесение, «кто именем ко оному правлению определен будет» [Там же, д. 120, л. 50]. Однако архивные источники не содержат данных относительно того, кто был назначен на эту должность.

Непосредственное взаимодействие духовного ведомства и епархий осуществлялось через должность стряпчего, который присутствовал при

Синоде с целью приема указов и их быстрой рассылки по регионам. Причиной введения такой должности стала крайняя медлительность, с которой доставлялись синодальные указы и приговоры. Поэтому Синод издал специальное определение, в котором говорилось, что «быть всегда при Синоде из каждой архиерейской епархии <...> по стряпчему» [Там же, д. 379, л. 134]. Это решение было объявлено, в числе прочих, и оказавшемуся в Москве стряпчему от Нижегородской епархии И. Богданову, но с таким добавлением, чтобы он без синодального указа из Москвы не уезжал и еженедельно по понедельникам и пятницам являлся в Синод.

За самовольный «без указу» [Там же, д. 379, л. 134] выезд из Москвы и отсутствие в Синоде предусматривалось суровое наказание — «и лишен будет движимого и недвижимого имения и сослан будет на галеру» [Там же, д. 379, л. 134]. Что касается Нижегородской епархии, то, согласно решению местного епископа, стряпчие менялись в порядке очередности от таких монастырей, как Печерский, Макарьевский и Благовещенский. Именно на монастыри была возложена задача по материальному обеспечению стряпчих.

Однако в донесении стряпчего Островщикова на имя Питирима речь шла о том, что на содержание стряпчих от других епархий денежная плата берется «с дворового числа» [Там же, д. 379, л. 134]. В связи с этим владыка Питирим считал нужным, предварительно обсудив с другими епархиями ежегодный объем средств, расходовавшихся на содержание стряпчих, и источники их финансирования, принять «общательное определение, дабы во всех епархиях о таких расходах было уравниение» [Там же, д. 379, л. 134]. Однако было ли поддержано предложение Питирима, неизвестно (какого-либо решения в деле нет).

3. Епископ Питирим как руководитель Нижегородской епархии

Исторически этот период пришелся на время епископата Питирима, человека, по характеристике А. С. Храмцовского, «светлого ума и твердой воли» [Действия НГУАК, 1913, т. 16, вып. 1, с. 2], возглавлявшего Нижегородскую епархию с 1719 по 1738 годы. К моменту назначения епископом Питирим два года занимал должность архимандрита Кержебельмашского Успенского монастыря. Предыдущий глава епархии Сильвестр был переведен в Смоленск. Именно после его ухода «Нижегородская Митрополия сделана Епископиєю» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 64], и первым епископом на вакантную кафедру 23 марта 1719 года был избран архимандрит Питирим с той целью, чтобы «действовать свободнее и успешнее в деле обращения раскольников» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 64], хотя в прошлом он и сам был раскольником [Цыпин, 2006].

Питирим пользовался особым уважением и доверием со стороны Петра I, который умел находить достойных и талантливых людей, «способных к выполнению его великих замыслов и реформ» [Действия НГУАК, 1913, т. 16, вып. 1, с. 2]. Питирим был первым из епархиальных архиереев, который отозвался на предложение Петра открыть духовную школу. Недаром именно в Н. Новгороде 30 мая 1722 года император отмечал свое 50-летие, совпавшее с 500-летием Н. Новгорода. Епископ наряду с другими светскими и духовными сановниками был одним из приглашенных на обед в честь императора и императрицы, который состоялся в доме Г. Д. Строганова [Действия НГУАК, 1912, т. 13, вып. 3, с. 2]. Положение Питирима, несмотря на интриги со стороны подчиненного ему духовенства, было устойчивым на протяжении всего правления Петра I, «никто не мог оклеветать хорошо известного ему Епископа» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 81].

Более того, в 1724 году Питирим «за усердное обращение раскольников к Православной церкви» был возведен в звание архиепископа [Описание документов и дел архива Синода, т. 4, с. 4].

Именно непримиримая позиция нижегородского епископа по отношению к расколу привела к расширению территориальных границ епархии. На момент назначения Питирима на архиерейскую должность епархия включала в себя такие города, как Н. Новгород, Алатырь, Курмыш и Ядрин с сопредельными селениями. Сразу после посвящения в епископы из Патриаршей области к епархии были приписаны города Балахна, Юрьевец Поволжский, Галич с уездами, а в 1722 году — Ярополч, Гороховец, Арзамас с уездами и Вязниковская слобода, что позволило распространить административную власть Питирима на присоединенные территории и, соответственно, вести борьбу с раскольниками на новых землях.

4. Государство и церковь: проблемы взаимоотношений

Выстраивание новой модели государственно-церковных отношений сопровождалось целым рядом проблем разноаспектного характера, наиболее выпукло проявившихся на региональном уровне, примером чего служит Нижегородская епархия, во главе которой стоял в тот период епископ Питирим (1719—1738).

Первая группа проблем касалась административного статуса Синода в системе центральных учреждений Российской империи, в рамках которой у духовного ведомства отсутствовали реальные рычаги прямого воздействия на гражданские учреждения при решении самых разных вопросов, из-за чего постоянно приходилось обращаться в Сенат либо напрямую к императору, что серьезно бюрократизировало всю систему церковного управления. Данную группу проблем довольно наглядно иллюстрируют вопросы, связанные

со сбором оброчных и окладных денег с земельного фонда Русской Православной Церкви. Оброчные деньги с архиерейских и монастырских вотчин поступали в Монастырский приказ на основании именных синодальных и сенатских указов и расходовались целевым образом на содержание госпиталей, школ, богаделен, на разные церковные нужды, на жалование приказным служащим и на «всякие мелочные приказные расходы» [Описание документов ..., т. 5, с. 10]. Однако с течением времени сбор оброчных денег стал неуклонно падать, поэтому Камер-контора, в виде служебного мнения, предложила Синоду провести так называемую переобработку монастырских и архиерейских вотчин, но с поручением этого дела кому-либо «из царедворцев и офицеров» [Там же, с. 10], так как дворяне синодального ведомства, ранее осуществлявшие такие сборы «едва не все» [Там же, с. 10], были отправлены в Герольдмейстерскую Канцелярию, а приказные архиерейских домов «и не таких нужнейших отправок по неоднократным указам не отправляют, да оное дело и не их должности правления» [Там же, с. 10]. По мнению Камер-конторы, без переобработки она «и надеяния не имеет» [Там же, с. 11] на сбор данных денег в прежнем размере.

С этой целью Синод для упорядочения доходов Камер-конторы стал настоятельно требовать составления правильных епархиальных ведомостей о доходах и недоимках, их скрупулёзного сбора, соблюдения строгой экономности в их расходах. Сама контора почти в каждом донесении в Синод писала, что «о той переобработке из вотчин просят непрестанно» [Там же, с. 11], и просила прислать для этого «царедворцев» [Там же, с. 11].

Синод в подтвердительных указах, адресованных Камер-конторе, настаивал на скорейшей доставке подробных ведомостей о сборах и недоимках даже с возможностью составления прогноза относительно временных сроков, в которые будут произведены полные сборы и восполнены недостающие деньги. Среди причин недобора Камер-контора указывала незаконное вмешательство в эти сборы разных офицеров и комиссаров, назначаемых в провинции от генералитета для подушного сбора на полки; притеснения, которые они совершали по отношению к крестьянам и синодальным сборщикам; «насилие над ними и взяточничеством» [Там же, с. 12].

Пример такого «помешательства» [Там же, с. 12] был и в Нижегородской епархии «по вступлении армейских и гварнизонных полков в вотчины» [Там же, с. 12], принадлежащие архиерейскому дому и монастырям. В этих вотчинах чиновникам Камер-конторы присланные от генералитета офицеры запретили производить данный сбор, а «иных и из вотчин выбили» [Там же, с. 13]; собранные деньги «отняли и зачли в подушный оклад» [Там же, с. 13]. После неоднократных донесений Камер-конторы о злоупотреблениях при сборе оброчных денег и фактах насилия по от-

ношению к церковным крестьянам со стороны офицерского состава Синод обратился по этому предмету с ведением в Сенат, но ведение не было принято. Сенат требовал, чтобы Синод четко зафиксировал «имянно, с ясным росписанием и доказательствы, когда, где, что и от кого происходило из показуемых помешательств от генералитета и земских комиссаров» [РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 5, л. 7]. Ответной реакцией Синода на это требование были ряд указов в Камер-Коллегию и вторичное ведение в Сенат, но без предоставления необходимой доказательной базы ввиду принятия срочных мер против незаконных действий военных должностных лиц. Источники не содержат данных относительно того, какое решение было принято в Сенате по этому делу, но известно, что Камер-Коллегия рапортовала в Синод, что «онные комиссары ныне в Камер-Коллегии не ведомы, а ведомы в Военной Коллегии» [Описание документов ..., т. 5, с. 14]. Несмотря на обращение Синода в Военную Коллегию, эта проблема так и не была решена для духовного ведомства в положительную сторону.

Другой вопрос был связан с доставкой в Синод документов (окладных книг и образцовых ведомостей) обо всех налоговых платежах и недоимках с земель, ранее принадлежавших патриарху, епископам и монастырям, которые в соответствии с указом Петра I от 14 февраля 1721 года «сборами и правлением ведать в одном Духовном Синоде» [Там же, т. 1, с. 110], что, однако, оказалось сложной задачей в бюрократических реалиях петровской России.

Сначала Синод делал соответствующий запрос в Сенат, тот отдавал распоряжение Камер-Коллегии, которая несла ответственность за доставку книг и ведомостей о платежах и сборах с духовных вотчин. Однако коллегия ведомости не присылала, поэтому Синоду приходилось делать новый запрос в Сенат, который издавал второй указ на этот счет, после которого весной-летом 1721 года требуемые документы наконец были доставлены в Синод.

Однако, как оказалось, эти ведомости «в действо употребить весьма не возможно» [РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 127, л. 32]; они были «краткие и неясно росписанные, а иные и зело неисправные» [Там же, д. 127, л. 32].

После третьего синодального запроса в Сенат Камер-Коллегия вообще отрицала наличие у нее таких книг и ведомостей: кроме тех выписок, которые были ранее сделаны в коллегии и отправлены в Синод, «никаких других окладных и доимочных книг <...> не имеется» [Описание документов ..., т. 1, с. 111].

Между тем Синод на основании указа от 14 февраля 1721 года о переходе церковных имений от Монастырского приказа под его юрисдикцию дал распоряжение местным духовным властям «о всепоспешном и порядочном сборе <...> окладных денег...» [Там же, с. 112]. Докладывая о по-

лучении этого указа и о мерах, принятых ими к его исполнению, некоторые архиереи сообщали в Синод о затруднениях, с которыми они столкнулись.

Так, в донесении Питирима, епископа нижегородского, перечислены следующие проблемы: во-первых, отсутствие окладных, неокладных, приходных книг, что не позволяло даже приступить к вышеозначенным сборам, а также «куда сколько и на которые сроки платить того неведомо» [Там же, с. 113]; во-вторых, нехватка служащих (приказных и рассыльных людей) для осуществления данных сборов; в-третьих, финансовое обеспечение этих мероприятий «всякие приказные расходы из каких сборов держать? <...> служители, откуда жалованьем их довольствовать?» [Там же, с. 113]. Несмотря на все попытки Синода решить вопросы, поставленные перед ним местными церковными властями, в частности, определить людей по епархиям, ответственных за данные сборы, проблема вотчинных платежей по-прежнему не решалась за отсутствием необходимых бумаг.

Невозможность самостоятельного разрешения этой проблемы госаппаратом потребовала вмешательства самого императора, который собственноручно оставил следующую задокументированную резолюцию: «прислать ведомости подлинные, о чем, куды надлежит, послать крепкие из Сената указы» [РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 127, л. 32].

Камер-Коллегия в очередном донесении, направленном в Синод, отрицала наличие у нее особых ведомостей по монастырским вотчинам, однако она специальными указами обязала воевод максимально быстро доставить все необходимые документы епархиальным управляющим.

Ко второй группе проблем следует отнести сохранявшуюся на местном уровне незаконную юрисдикцию светских властей в вопросах управления церковными землями. Так, в донесении синодального советника архимандрита Симонова монастыря Петра говорилось, что в Нижегородской губернии, равно как и в других провинциях и городах, монастырю принадлежат разные вотчины, которые фактически управляются коллежскими чиновниками, «от которых их приездов чинятся тем вотчинам и монастырю убытки и разорение не малое» [Описание документов ..., т. 1, с. 336]. На прошение, поданное наместником Петром в Московскую губернскую канцелярию о прекращении вмешательства так называемых светских командиров в дела монастырских вотчин, вице-губернатор ответил, что «без послушных указов из Прав. Сената и из Камер-Коллегии он тех выездов унять не может» [Там же, с. 337]. Получив донесение архимандрита Петра, Синод своим указом потребовал от Камер-Коллегии, чтобы упомянутые вотчины были возвращены монастырю и «дабы впредь в те вотчины посланные из Камер-Коллегии не выезжали» [Там же, с. 337].

Похожее по содержанию донесение было и от поверенных Воскресенского монастыря на Истре монаха Сергия и стряпчего Бронского о возвращении вотчин, которыми владеют в разных губерниях воеводы и прочие светские управляющие. В частности, монастырю принадлежали земли в Алатырской провинции, относившейся к Нижегородской епархии. Основная суть донесения сводилась к следующему. Монастырь, основываясь на указе от 14 февраля 1721 года о возвращении церковной собственности прежним владельцам, то есть духовенству, за исключением тех вотчин, которые были розданы по именным указам разным лицам в пожизненное владение, отправил в свои имения строителей и управляющих. Однако воеводы и «градские управители» [Там же, с. 556] монастырских приказчиков в поместья не впустили, а в вопросах управления вотчинными делами и сбора государственных податей «учинили остановку и запустили на тех вотчинах многую доимку и чинят многие обиды» [Там же, с. 556], отказываясь выполнять положения государственных указов.

В связи с этим представители монастыря просили Синод о возвращении вотчин законным владельцам. Поскольку вотчины, перечисленные в донесении, по именным указам никому не были переданы, то Синод определил возвратить их монастырю с подтверждением, чтобы «онные содержаны были в достодолжном охранении, под опасением штрафа и доимок взыскания» [Там же, с. 557]; было принято решение и об отстранении светских чиновников от управления церковными поместьями.

Ситуация с землями Симонова и Воскресенского монастырей была не единственным свидетельством данной проблемы. Ранее описанные вопросы о церковных сборах и платежах еще даже более открыто демонстрируют масштаб этой проблемы, не ограниченный лишь монастырскими вотчинами. Синодальный указ 1721 года, адресованный региональным епископам, прямо запрещал впускать в архиерейские и монастырские вотчины губернских и провинциальных камериров, комиссаров и прочих чиновников, поскольку все финансовые и административные вопросы управления церковными землями относились к компетенции архиерейских и монастырских служащих.

Третья группа проблем включала в себя нанесение физического, морального и материального ущерба духовным лицам со стороны местных властей. В донесении епископа Питирима, равно как и других епархиальных архиереев, речь шла о том, что не только по налоговым делам, но и для отправления правосудия в церковные вотчины направлялись подьячие с солдатами, которые по отношению и к священнослужителям, и к крестьянам «чинят обиды, берут с них подводы, бьют их на правеже, держат продолжительное время под караулом и раззоряют в конец» [Там же,

с. 357]. Кроме этого, дьяконов и других представителей церковного причта по самым разным делам, в том числе по истцовым искам, забирали в приказы и держали довольно долго под стражей, тем самым нанося им «не малые убытки и озлобления» [Там же, с. 358]. Отталкиваясь от этих донесений, Синод 6 сентября 1721 года отправил в Сенат ведение, но привело ли оно к каким-либо результатам, из материалов дела установить не удастся.

В любом случае в ведении разъяснялось, что компетенция Синода над вверенной ему сферой была законодательно оформлена именным указом Петра I от 25 января 1721 года, разосланным по всем коллегиям и губерниям Российской империи и прямо требовавшим от светских и духовных лиц «за важное и сильное правительство иметь» [Там же, с. 357], в том числе выполнять синодальные указы. В другом императорском указе от 15 марта 1721 года, на который также ссылался Синод в данном ведении, указывалось на недопустимость рассмотрения разного рода судебных дел (нанесение оскорбления, драка, кража и т. д.), в которых фигурировали духовные лица, в светских учреждениях, «а на которых и оговор какой будет в каком партикулярном злодеянии, таких отсылать к Синоду» [Там же, с. 358].

Последний указ в свое время был сообщен Сенату с пояснением об обязательной его рассылке «в надлежащие места» [Там же, с. 358]. Но был ли он разослан, Синод так и не был уведомлен. А между тем Синоду из вышеуказанных донесений было хорошо известно, что «указы постоянно нарушались местными властями» [Смолич, 1996, с. 211], и, как итог, с духовенством поступали «злодерзостно» [Описание документов ..., т. 1, с. 358].

Четвертая группа проблем охватывала широкий круг вопросов, связанных с государственными административными и финансовыми обязательствами регионального духовенства. Во-первых, это рекрутский набор с церковных вотчин для формирования армейских и гарнизонных полков, а также для службы в адмиралтействе. Первое донесение от Камер-коллегии об этом сборе было подано в Синод 15 июля 1721 года. Но поскольку людей так и не присылали, коллегия была вынуждена повторно просить Синод об издании подтвердительных указов по духовному ведомству. Со своей стороны, коллегия уведомляла Синод, что по приговору 12 января 1722 года уже отправила такие же подтвердительные указы к губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и камерирам.

Так, по первому наряду требовалось собрать и представить в губернские и воеводские правления, а также к камерирам «с осьмидесяти трех с полу» [Там же, т. 2, ч. 1, с. 184], а по второму «со ста с пятнадцати дворов по человеку в указном мундире» [Там же, с. 184]. В 1723 году следовало «собрать в новой наряд» [Там же, т. 1, с. 369] со всех вотчин синодального ведомства 1746 человек, приходившихся на 144 906 дворов. По провинциям число

дворов распределялось следующим образом; например, на Нижегородскую приходилось 6052 двора, на Арзамасскую — 719, на Алатырскую — 1211 [Там же, с. 369]. Анализ переписки Синода показывает, с какими трудностями он сталкивался при решении подобного рода дел. Схема набора рекрутов была следующая. Камер-коллегия сообщала в Синод число подлежащих сбору рекрутов. Синод издавал соответствующее распоряжение, на основании которого присылали рекрутов, которых уже перенаправляли в Военную коллегия. Последняя годных к военной службе принимала, а негодных возвращала обратно, с тем чтобы их заменили другими; кроме того, «потребуется произвести следствие, почему на месте не произведено было рекрутам надлежащего освидетельствования» [Там же, с. 370]. При этом новобранцы постоянно бежали, и, хотя через Синод делалось распоряжение о розыске, бегство не прекращалось. В итоге Синоду приходилось вести длинные переписки с различными учреждениями, и вопрос о рекрутском наборе оборачивался огромным многотомным делом.

Во-вторых, это сбор с местного церковного причта денег на так называемое канальное денег. В 1721 году в Синод поступило прошение от всех Арзамасских священников, которые просили, чтобы «Его Императорское Величество пожаловал бы их не велел на них причетниках <...> оных канальных, положенных с дворового числа, денег править» [Там же, с. 689]. В нем также содержалось и соответствующее правовое обоснование незаконности этого налога, так как в царском указе 1718 года о сборе канальных денег вовсе не упоминалось о представителях церкви; речь шла только о церковных вотчинах. После первого же прошения Арзамасских священников Синод обратился в Камер-коллегию с вопросом, на каком основании камерирами и комиссарами спрашивается с церковников канальный налог. Поскольку дело состоит из прошения и справки по нему и не содержит никаких других исторических документов, невозможно достоверно ответить, разрешилось ли оно в пользу церковнослужителей.

В-третьих, это сбор со светских и духовных вотчин в соответствии с указом Сената продовольствия и фуража для расквартированных на зиму драгунских и пехотных полков. Синод в рамках своей обычной бюрократической практики отправил в регионы традиционные предписания с целью выполнения вышеозначенного указа наравне с дворцовыми и помещичьими вотчинами. Однако оказалось, что исполнение этого указа вызвало серьезные проблемы: назначение местным воеводой ко взиманию с синодальных вотчин большего количества провианта и фуража, «чем какое определено было расположением, составленным в Камер-Коллегии» [Там же, с. 608]; требование размещения лошадей, принадлежащих военным, не только в вотчинах, но и в монастырях; ответное требование со сторо-

ны монастырей относительно зачета ранее взятых с них излишних сборов. По этому поводу Синод неоднократно переписывался с Камер-коллегией и Сенатом, отстаивая равенство несения государственной повинности подведомственными ему вотчинами наряду с дворцовыми и помещичьими. Например, отвечая на вопрос о размещении лошадей «в монастырях и монастырских вотчинах» [Там же, с. 609], Синод указывал на неверную интерпретацию текста указа, который разрешал ставить лошадей в вотчинах, но никак не в монастырях. В частности, Синод писал Сенату, что «монастыри устроены не на лошадей, а на прославление Божия имени, и утруждать теми оных, яко домов святых не надлежит» [Там же, с. 609]. При этом продовольственные сборы для военных могли осуществляться и по экстраординарным ситуационным причинам. Например, в 1723 году состоялся марш драгунских полков через Н. Новгород, Алатырь, Симбирск, Самару и Саратов в Царицын, который требовал соответствующего продовольственного обеспечения. В связи с этим Синод предписал Монастырскому приказу разослать к духовным лицам вышеуказанных городов послушные указы на эту тему и потом донести, «что того провианта и с чьих синодальной команды вотчин собрано будет» [Там же, т. 2, ч. 2, с. 77].

В-четвертых, это строительная повинность, связанная с обязательной постройкой в С.-Петербурге на Васильевском острове каменного дома. В соответствии с именным указом Петра I от 14 февраля 1719 года всем собственникам, имеющим крестьян, в том числе архиерейским домам и монастырям, было приказано «строить каменное и деревянное строение» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 487, л. 171]. Размер возводимого дома напрямую зависел от числа крестьянских дворов, что подробно разъясняли последующие указы от 8 марта и 14 ноября 1722 года: «с тысячи до семи сот дворов строить дом на десяти саженьях, а с семи сот до пяти сот на восьми саженьях, а с пяти сот до трех сот дворов на пяти саженьях...» [Там же, л. 171]. Поскольку Нижегородский Архиерейский дом имел на правах владения «ниже пяти, а свыше трех сот дворов» [Там же, л. 171], то Канцелярия Полицмейстерских дел отвела ему на Васильевском острове место для возведения каменного дома на 5 саженьей, что, исходя из донесения епископа Питирима, представлялось невозможным по чисто экономическим причинам. Как писал Питирим, ему строиться «не чем и не на что» [Там же, л. 171], так как согласно указу Монастырского приказа Архиерейский дом уже был обложен ежегодным налогом, а приступить к новому сбору «на то строение» [Там же, л. 171] с домовых вотчин в отсутствие императорского указа он не может. Епископ доносил об этом в Синод, с тем чтобы остановить при строительстве «не причлась к дому его к какому неисправлению» [Там же, л. 171]. После подачи в 1722 году донесения о дефиците средств

у Нижегородского Архиерейского дома строение действительно не возводилось, хотя никакой резолюции на документе не было. Однако отведенное место продолжало числиться за нижегородским архиереем, и Канцелярия Полицмейстерских дел на протяжении 1720—1730-х годов требовала уплаты за место поземельных денег «за прошлые годы» [Там же, л. 172] и заставляла строиться. Окончательно этот вопрос решился в пользу Архиерейского дома только в 1733 году после длительных бюрократических согласований и анализа доходов и расходов Нижегородской епархии.

В-пятых, это использование архиерейских и монастырских подворий в Москве для размещения канцелярий, съезжих дворов, казенных поклаж и несение духовенством соответствующих расходов.

Анализируя подобную практику, Синод пришел к выводу, что церковные подворья заняты не по решению центральных властей, а по «партикулярным распоряжениям» [Там же, д. 69, л. 24] отдельных светских чиновников. Все это причиняло подворьям «не малую škodu, а иным и запустение» [Там же, д. 69, л. 24], а архиерейским домам и монастырям «напрасные убытки» [Там же, д. 69, л. 24]. Более того, духовные лица, которые приезжали в Москву, были вынуждены снимать для себя частные квартиры. В посвященном этому ведению от 19 января 1722 года Синод поставил перед Сенатом вопрос об освобождении подворий «от таких убыточных и стеснительных постоев» [Там же, д. 69, л. 24] как в настоящее, так и в будущее время. Со своей стороны, Сенат пожелал знать «имянно: кто, где и от кого на подворьях квартиры занял» [Там же, д. 69, л. 24]. В соответствии с синодальным указом назначенный от Монастырского приказа стряпчий Воскресенского монастыря А. Бронский на основе полученного реестра составил опись московских подворий. Так, Нижегородское архиерейское подворье располагалось в Китай-городе, на ул. Варварской около церкви М. Блаженного. Это был каменный дом с двумя верхними и тремя нижними палатами. В верхних по указу Московской Губернской канцелярии жили два «цыфирных учителя, да при них школьников сто человек, учатся арифметику и часть геометрию» [Там же, д. 69, л. 24]; в нижних — «их, учителей, жильцы» [Там же, д. 69, л. 24]. Выписку А. Бронского 23 мая того же года Синод отправил в Сенат, при этом требуя освобождения всех подворий и компенсации за те повреждения, которым они подверглись за период постоев. 24 октября Синод одновременно обратился как в Сенат, так и в Полицмейстерскую канцелярию, которую он считал виновной в этом деле, да к тому же действующую единолично, не ставя в известность по таким случаям ни Монастырский приказ, ни ведомство по делам православного исповедания. Ссылаясь на нормы законодательства, в частности 13 Главу Магистратского Устава, уравнивающие в вопросе казенных

постоев светских и духовных лиц, Синод в своем новом ведении в Сенат выразил полную готовность выделить квартиры для постоев не только «в прочих синодской команды домах, но и на архиерейских подворьях» [Там же, д. 69, л. 25] при соблюдении следующего условия «ежели в домах знатных персон, равно с теми (то есть епископскими подворьями. — А. Б.) квартирующие будут» [Там же, д. 69, л. 25]. В сенатском определении от 30 октября 1722 года было вынесено решение относительно перспектив освобождения церковных подворий; так, по нижегородскому говорилось, что учителям и ученикам «быть по прежнему» [Там же, д. 69, л. 25], пока для них не найдется свободных мест. Подобное решение в основном распространялось и на подворья других епархий. Однако данное определение категорически не устраивало Синод, поэтому в своем новом ведении в Сенат он поставил ультиматум, по которому, если к 30 ноября архиерейские и монастырские подворья в Москве не будут полностью очищены, то для их освобождения будут отправлены состоящие в распоряжении синодального ведомства солдаты Преображенского полка, «которыми оные подворья упразднены будут, без требования от светских команд позволения» [Там же, д. 69, л. 26].

19 ноября состоялась совместная конференция Синода и Сената, на которой было принято решение «мундиры и другую подобную поклажу с подворьев взять» [Там же, д. 69, л. 26], а чтобы ускорить их перенос в другие помещения, было предписано вице-губернатору Воейкову безотлагательно обследовать в Москве палаты и амбары при казенных зданиях.

Тем не менее подворья оставались, как и раньше, заняты разными постоями и складами. Поэтому 9 января 1723 года состоялось новое определение Синода с требованием вознаграждения из табельных доходов Штабс-Канторы за весь период, когда подворья были заняты постоями и казенными поклажами не только в Москве, но и во всех городах. О синодальном решении были уведомлены главы всех епархий и Синод. Однако Сенат в ведении от 21 октября 1723 года отказал в своем согласии на такое вознаграждение, мотивируя это, с одной стороны, физической невозможностью очистить подворья «в скором времени» [Там же, д. 69, л. 26], а с другой, тем, что «табельных доходов, кроме определенных мест, ни на какие расходы держать не велено» [Там же, д. 69, л. 26].

Сенат был не единственным административным органом, с которым Синод взаимодействовал в вопросе освобождения нижегородского церковного подворья. Параллельно это дело рассматривалось в Монастырском приказе, в который было подано отдельное прошение стряпчего Нижегородского архиерейского дома Ф. Муравского, в котором речь шла о том, что подворье в Китай-городе от многочисленного постоя крайне разорено и что жи-

вут там «неведомо какие ремесленные и промышленные люди» [Там же, д. 376, л. 132], неизвестно какой Коллегией туда поставленные. В другом прошении, адресованном уже в духовное ведомство, Ф. Муравский описывал ранее сложившуюся ситуацию с архиерейским подворьем в Москве и просил Синод распорядиться о выводе оттуда математической школы вместе с другими постояльцами с невозможностью размещения кого-либо на постои в будущем, так как подворье необходимо «для приезда архиерейского и домовых его служителей» [Там же, д. 376, л. 132]. По этому прошению Синод затребовал из Монастырского приказа данное дело для рассмотрения, с тем чтобы составить для Сената ведение об освобождении подворья для служебных нужд Нижегородского архиерейского дома.

Из дела следует, что Монастырский приказ провел опись подворья, а также допросил в лице вице-губернатора Ершова всех живущих там лиц. Допрос показал, что еще в 1720 году, согласно указу Губернской канцелярии, подворье нижегородского епископа было отведено для двух учителей — Ф. И. Рыбникова и С. И. Русинова «для учения математической науке учеников» [Там же, д. 376, л. 132]. Часть помещений этого подворья они сдавали торговцам, ремесленникам, крестьянам с разрешения вице-губернатора Воейкова «из найма без поручных записей» [Там же, д. 376, л. 133].

Конечным результатом этого дела стала резолюция Монастырского приказа, состоявшая из следующих пунктов: а) отправить в Московскую Губернскую канцелярию промеморию с тем, чтобы выяснить, на основе какого указа было занято подворье нижегородского архиерея; б) «с описью ль им то подворье отдано и в скольких палатах жить велено» [Там же, д. 376, л. 133]; в) «по указу ль Губернской Канцелярии или сами собою» [Там же, д. 376, л. 133] учителя сдавали квартиры другим жильцам; г) допросить купцов, чьи вещи находились в погребах подворья, «за сколько они те погреба рядили» [Там же, д. 376, л. 133]. Однако, как и в случае с Сенатом, дело осталось нерешенным, поскольку промемория так и не была отправлена из-за того, что стряпчий Ф. Муравский «с того числа в Монастырский Приказ не ходил» [Там же, д. 376, л. 133].

5. Выводы

Таким образом, отмена института патриаршества с последующим созданием ведомства по делам православного исповедания (Синода) привела к огосударствлению церкви и ее включению в административную структуру Российской империи на правах одного из подчиненных элементов как на общеимперском, так и региональном уровнях управления. Хронологически синодальная реформа пришлась на период руководства Нижегородской епархией епископа Питирима (1719—1738), вынужденного работать

в условиях нового режима государственно-церковных отношений, при котором вводился бюрократический надзор над местным епископатом. Это и получение санкции Синода на выезд из своей епархии, и установление персональной ответственности за сбор денег с духовных вотчин, и введение процедуры подачи рапортов в Синод о получении указов и исполнении по ним, и в целом усиление административной дисциплины служащих архиерейского дома своего рода регионального правительства по церковным делам. Все большее усложнение системы епархиального управления при наличии значительного числа раскольников, обращение которых в официальное православие Питирим видел своей основной задачей, актуализировало проблему чрезмерной загруженности местного епископа, в связи с чем Синод считал необходимым назначить ему особого помощника по всем епархиальным сборам, что является специфической особенностью Нижегородской епархии. Изменившийся характер взаимоотношений государства и церкви наполнил новым содержанием связанные с ними проблемы, с которыми и столкнулся епископ Питирим на своем посту: неподотчетность гражданских учреждений Синоду; незаконная замена церковной юрисдикции светской при управлении архиерейскими и монастырскими землями; злоупотребления полномочиями со стороны чиновников и нанесение ущерба духовным лицам; наложение на духовенство разнообразных повинностей, нередко противоречащих действующим на тот момент законодательным нормам. Их решение в рамках синодального режима зачастую было не в пользу духовенства.

В определенной степени эти проблемы были еще и следствием невероятной бюрократизации государственной жизни петровского времени, при которой наблюдалось дублирование компетенций различных ведомств при рассмотрении тех или иных дел; сложность и длительность переписок между правительственными учреждениями; медлительность исполнительных органов.

Источники и принятые сокращения

1. Действия НГУАК — *Нижегородской* губернской ученой архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов. — Нижний Новгород : Типография Нижегородское печатное дело, 1912. — Т. 13, Вып. 3.
2. Действия НГУАК — *Нижегородской* губернской ученой архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов. — Нижний Новгород : Типография Нижегородское печатное дело, 1913. — Т. 16, Вып. 1.
3. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1868. — Т. 1.
4. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1879. — Т. 2, Ч. 1.

5. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1878. — Т. 2, Ч. 2.
6. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1880. — Т. 4.
7. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1897. — Т. 5.
8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Ф. 796. Оп. 1. Д. 127. Л. 32; Оп. 2. Д. 509. Л. 180; Д. 120. Л. 50; Д. 379. Л. 134; Д. 487. Л. 171; Д. 69. Лл. 24, 25, 26; Д. 376. Лл. 132, 133; Оп. 6, Д. 5, Л. 7.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховский П. В.* Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетии / П. В. Верховский. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1912. — 145 с.
2. *Виденеева А. Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в XVIII веке : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Е. Виденеева. — Ярославль, 2001. — 300 с.
3. *Закржевский А. Г.* Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Г. Закржевский. — Санкт-Петербург, 2000. — 183 с.
4. *Знаменский П. В.* История Русской Церкви / П. В. Знаменский. — Москва : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. — 464 с.
5. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви : в 2 т. Т. 2 / А. В. Карташев. — Москва : Терра, 1997. — 564 с.
6. *Макарий* (Миролюбов Н. К.). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года / сочинение архимандрита Макария. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Н. Г. Овсянникова, 1857. — 247 с.
7. *Морохин А. В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен / А. В. Морохин. — Нижний Новгород : Книги, 2009. — 272 с.
8. *Рункевич С. Г.* История русской церкви под управлением святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721—1725 гг.) / С. Г. Рункевич. — Санкт-Петербург : Тип. А. П. Лопухина, 1900. — 429 с.
9. *Смолич И. К.* История Русской церкви. 1700—1917 : кн. 8. Ч. 2 / И. К. Смолич. — Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1996. — 798 с.
10. *Тальберг Н. Д.* История Русской Церкви : в 2 т. Т. 2 / Н. Д. Тальберг. — Москва : Правило веры, 2008. — 775 с.
11. *Харина Н. С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук / Н. С. Харина. — Барнаул, 2012. — 294 с.
12. *Цыпин В. Протоиерей.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2006. — 816 с.

MATERIAL RESOURCES

Actions of NSUAC — *Nizhny Novgorod provincial scientific archival commission: a collection of articles, reports, inventories of files and documents.* Nizhniy Novgorod: Tipografiya Nizhegorodskoe pechatnoe delo. (In Russ.).

Description of documents and files stored in the archives of St. Pr. Synod. (In Russ.).
RGIA — *Russian State Historical Archives.* (In Russ.).

REFERENCES

- Kartashev, A. V. (1997). *Essays on the history of the Russian Church.* Moskva: Terra. 2: 564 p. (In Russ.).
- Kharina, N. S. (2012). *Tobolsk bishop's house in the 17th — 60s XVIII century: PhD Diss.* Barnaul. 294 p. (In Russ.).
- Makariy (a priest, Mirolubov, N. K.). (1857). *The history of the Nizhny Novgorod hierarchy, containing the legend about the Nizhny Novgorod hierarchs from 1672 to 1850.* Sankt-Peterburg: Izdanie knigoprodavtsa N. G. Ovsyannikova. 247 p. (In Russ.).
- Morokhin, A. V. (2009). *Archbishop of Nizhny Novgorod and Alatyř Pitirim. Church leader of the era of change.* Nizhniy Novgorod: Knigi. 272 p. (In Russ.).
- Runkevich, S. G. (1900). *History of the Russian Church under the direction of the Holy Synod. Establishment and initial structure of the Most Holy Government Synod (1721—1725).* Sankt-Peterburg: Tip. A. P. Lopukhina. 1. 429 p. (In Russ.).
- Smolich, I. K. (1996). *History of the Russian Church. 1700—1917.* Moskva: Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo Monastyrya. 8/2. 798 p. (In Russ.).
- Talberg, N. D. (2008). *History of the Russian Church.* Moskva: Pravilo very. 2/2. 775 p. (In Russ.).
- Tsypin, V. Protoierey. (2006). *History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Contemporary Periods.* Moskva: Izdatelstvo Sretenskogo monastyrya. 816 p. (In Russ.).
- Verkhovskiy, P. V. (1912). *Essays on the history of the Russian Church in XVII and XX century.* Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. 145 p. (In Russ.).
- Videneeva, A. E. (2001). *Rostov bishop's house and the system of diocesan administration in the XVII century: PhD Diss.* Yaroslavl. 300 p. (In Russ.).
- Zakrzhevskiy, A. G. (2000). *Bishops' authority in the system of church-state relations in the first half of the XVII century: PhD Diss.* Sankt-Peterburg. 183 p. (In Russ.).
- Znamenskiy, P. V. (2000). *History of the Russian Church.* Moskva: Krutitskoe patriarshee podvorye. 464 p. (In Russ.).